

Юридические исследования

Правильная ссылка на статью:

Поярков С.Ю., Гончаров В.В. «Южный» конституционализм: особенности трансформации публичной власти в государствах Латинской Америки и Африки // Юридические исследования. 2025. № 8. DOI: 10.25136/2409-7136.2025.8.75182 EDN: XRSFKO URL: https://nbppublish.com/library_read_article.php?id=75182

«Южный» конституционализм: особенности трансформации публичной власти в государствах Латинской Америки и Африки

Поярков Сергей Юрьевич

кандидат педагогических наук

ученый секретарь; ФГУП "Всероссийский научно-исследовательский институт физико-технических и радиотехнических измерений"

350007, Россия, Краснодарский край, г. Краснодар, ул. Химзаводская, 48, оф. 4

✉ niipg2025@mail.ru



Гончаров Виталий Викторович

кандидат юридических наук

доцент; кафедра гражданского процесса и международного права; Кубанский государственный университет

350040, Россия, Краснодарский край, г. Краснодар, ул. Ставропольская, 149

✉ niipgergo2009@mail.ru



[Статья из рубрики "Государственные институты и правовые системы"](#)

DOI:

10.25136/2409-7136.2025.8.75182

EDN:

XRSFKO

Дата направления статьи в редакцию:

16-07-2025

Аннотация: Статья посвящена публично-правовому анализу особенностей трансформации публичной власти в государствах Латинской Америки и Африки. Актуальность изучения «южного» конституционализма обусловлена не только его эмпирическим разнообразием, но и тем, что он бросает вызов универсализирующему подходу к конституционному дизайну. Целью исследования является анализ

особенностей трансформации публичной власти в государствах Латинской Америки и Африки сквозь призму «южного» конституционализма, посредством не прямого сравнения правовых систем данных регионов планеты, а путем вычленения их основных типологических черт, выявления и формализации институциональных инноваций и культурно-правовых смыслов, которые транслируют контуры процессов формирования и развития конституционализма в данных государствах. Задачи статьи включают, прежде всего, выявление общих и отличительных черт моделей публичной власти на обоих континентах, определение соотношения южного конституционализма с более широкими типологиями (в частности, либеральным, социалистическим, гибридным конституционализмом), анализ трансформационных механизмов, применяемых в условиях конституционного плюрализма. Использованы научные методы: диалектический анализ; методология постколониального анализа; сравнительно-правового анализа; историко-правовой; социологический анализ. Обращение к феномену «южного» конституционализма позволяет расширить горизонты сравнительного анализа, поставить под сомнение универсальность нормативных моделей, доминирующих в западной науке. Это требует переосмыслиения самого языка, на котором мы говорим о праве, власти и государственности. Ведь именно в южных контекстах проявляется вся напряжённость между формой и содержанием публичной власти, между декларируемыми нормами и реальными практиками, между правовой универсалией и конкретной культурной ситуацией. Южный конституционализм – это не альтернатива как отклонение, но альтернатива как возможный путь, реальность, в которой публичная власть учится быть законной и легитимной в глазах многообразных сообществ, составляющих её тело. Он является процессом, где вместо навязываемых моделей рождаются формы, укоренённые в культурном, историческом и социальном контексте. Это политико-правовая философия, в которой горизонт власти опирается не на центр, а на множественность точек сборки. В этом множестве, в этом напряжении между стабильностью и переменой, в этом поиске равновесия между универсализмом и локальностью заключается главный вклад южного конституционализма в обновление современной доктрины публичного права.

Ключевые слова:

южный конституционализм, особенности трансформации, публичная власть, Латинская Америка, Африка, постколониальный, глобальный Юг, государства Севера, конституционный плюрализм, конституция

Введение

Безусловно, тема «южного» конституционализма является одним из наиболее интригующих направлений современной сравнительной конституционной теории. В условиях стремительных глобальных трансформаций и постоянных политico-правовых вызовов государства Латинской Америки и Африки становятся не просто пассивными потребителями западных моделей публичной власти, но активными конструкторами собственных конституционных решений, отражающих исторические травмы, культурные коды, политическую волатильность и борьбу за автономию. В отличие от традиционной парадигмы, в которой именно государства Севера задают тон нормативному дискурсу, «глобальный Юг» сегодня все чаще функционирует как лаборатория альтернативных моделей управления и легитимации власти, где трансформация публичной власти носит как адаптивный, так и революционный характер.

Примечательно, что именно в государствах Южной Америки и Африки можно наблюдать уникальное сочетание формального заимствования институтов «классического» конституционализма и их глубокого переосмыслиения на основе локальных контекстов. Конституции Боливии (2009), Эквадора (2008), ЮАР (1996) и Кении (2010) демонстрируют яркие примеры нормативного синтеза – правовых систем, где современный язык прав человека и институтов демократического участия сосуществует с постколониальными, этнокультурными и даже космологическими структурами власти. Как отмечает ряд исследователей, южный конституционализм не следует понимать как упрощённую версию северного – напротив, он предлагает альтернативную логику легитимации, основанную на эпистемологическом плюрализме и радикальной включенности ранее маргинализированных групп населения. [\[5\]](#)

Актуальность изучения «южного» конституционализма обусловлена не только его эмпирическим разнообразием, но и тем, что он бросает вызов универсализирующему подходу к конституционному дизайну. Концепции подлинного народовластия, участия, правового плюрализма и экологического гуманизма, отражённые, например, в боливийской идее «*buuen vivir*», не укладываются в привычные схемы либеральной государственности. При этом важно отметить, что многие из этих новаций не являются результатом академического конструктивизма, но возникают снизу – как выражение требований социальных движений, этнических сообществ и феминистских инициатив. Это свидетельствует о трансформации самой природы публичной власти: от репрезентативной и институционально замкнутой – к более открытой, сетевой и перформативной.

Целью настоящего исследования является анализ особенностей трансформации публичной власти в государствах Латинской Америки и Африки сквозь призму «южного» конституционализма. Однако важно подчеркнуть, что речь идёт не о прямом сравнении правовых систем, а о попытке вычленить их типологические черты, институциональные инновации и культурно-правовые смыслы, которые они транслируют. В этом контексте крайне продуктивным оказывается применение методологии постколониального анализа, позволяющего выявить глубокие структурные асимметрии, сохраняющиеся в постимперском правовом прогосударстве, а также сравнительно-правового подхода, способного установить параметры различия и схожести между региональными моделями публичной власти.

Задачи статьи включают, прежде всего, выявление общих и отличительных черт моделей публичной власти на обоих континентах. Например, в Латинской Америке ключевую роль играет идея конституционного рефундамента государства – как правило, через учредительные собрания, [\[30, с. 1587-1610\]](#) тогда как в Африке особое внимание уделяется вопросам правовой инклюзии и интеграции обыденного права в формальные институты. [\[31, с. 403-442\]](#) Кроме того, важно определить, каким образом южный конституционализм соотносится с более широкими типологиями – например, либеральным, социалистическим или гибридным конституционализмом, и возможно ли вообще адекватное его вписывание в эти рамки.

Особого внимания заслуживают трансформационные механизмы, применяемые в условиях конституционного плюрализма. Так, в ряде латиноамериканских государств наблюдается институционализация «двойной власти» – сосуществование формальных парламентских структур и автономных органов индейского самоуправления, как, например, в Боливии. В Африке подобные процессы носят иной характер: там публичная власть часто опирается на авторитет традиционных вождей, включённых в официальную

систему власти (например, в Гане или ЮАР). Возникает парадоксальная ситуация: деколонизация формально завершена, но постколониальный субъект по-прежнему вынужден маневрировать между западными формами публичной власти и коренными представлениями о легитимности.

В теоретическом плане «южный» конституционализм вызывает дискуссии о самой природе конституционного права. Следует ли рассматривать его как разновидность «нестабильного» или «переходного» конституционализма (*transitional constitutionalism*) или же как полноценную автономную традицию? По мнению южноафриканского правоведа Х. Клюг, южный опыт предоставляет не только нестабильную модель, сколько динамическое поле для правовой эволюции, в котором правовая форма вынуждена приспосабливаться к реалиям глубокого социального расслоения, постконфликтного устройства и слабых институтов. [\[14, с. 67-94\]](#)

Таким образом, обращение к феномену «южного» конституционализма позволяет не только расширить горизонты сравнительного анализа, но и поставить под сомнение универсальность нормативных моделей, доминирующих в западной науке. Это требует, в свою очередь, переосмысления самого языка, на котором мы говорим о праве, власти и государственности. Ведь именно в южных контекстах проявляется вся напряжённость между формой и содержанием публичной власти, между декларируемыми нормами и реальными практиками, между правовой универсалией и конкретной культурной ситуацией.

Основной текст

Южный конституционализм как научная категория: постановка проблемы

Понятие «южного конституционализма» сравнительно недавно вошло в обиход современной конституционной теории, однако уже сегодня оно приобретает особую методологическую значимость, позволяя описывать процессы, ранее воспринимавшиеся как отклонения от «нормативной» модели, основанной на западном либеральном универсализме. Возникновение этого термина тесно связано с работами исследователей, стоящих на позициях постколониальной критики и критической теории права, прежде всего – Б. де С. Сантуша, чья концепция «южных эпистемологий» (*epistemologias del Sur*) впервые обозначила необходимость признания множественности форм знания, в том числе и в правовой сфере. [\[2\]](#) Его подход обосновывает право на существование альтернативных правовых систем, не совпадающих с доминирующей либерально-европоцентрической логикой, но равнозначных ей по степени нормативной значимости. Вслед за ним ряд правоведов, таких как Х. Клюг, [\[15\]](#) Дж. Талли [\[29\]](#) и О. Мадоуби, предложили рассматривать идею южного конституционализма не как случайную правовую аномалию, а как самостоятельную форму легитимации власти, рождающуюся в условиях политической нестабильности, постколониального противостояния и институциональной фрагментации.

Постановка проблемы заключается в следующем: в течение десятилетий конституционное право опиралось на умозрительный канон, в центре которого находился европейский или североамериканский опыт как универсальная формула демократии, разделения властей, верховенства права и прав человека. Однако государства Латинской Америки и Африки, чья история отмечена колониальным насилием, правовой рецепцией, авторитаризмом и массовой мобилизацией, вынуждены были переизобретать институты публичной власти, часто действуя вне рамок предложенного «методического набора». Эти условия породили необходимость концептуального осмысления южного

конституционализма как особой научной категории, объясняющей не просто региональные различия, но и принципы нормативной альтернативности, культурной специфики и правового сопротивления глобальным иерархиям. Важно отметить, что сам термин «южный» в этом контексте не является географическим указанием, а скорее символизирует эпистемологическую позицию - взгляд с периферии, с нижней ступени глобальной правовой иерархии, откуда видны иные механизмы формирования публичной власти, иные цели конституционного регулирования и иные формы институционального выживания.

Южный конституционализм можно рассматривать как форму правовой рефлексии, возникающую в ответ на несоответствие западных теоретических рамок политическим реалиям государств постколониального мира. Он охватывает спектр практик и норм, в которых публичная власть формируется и осуществляется в условиях системного неравенства, дефицита легитимности, фрагментарной государственности и юридического плюрализма. В отличие от северной модели, где конституция традиционно понимается как результат рационального проекта, зафиксированного в виде стабильного текста, в южных контекстах она нередко выступает как инструмент постоянного переопределения власти, как поле конфликта между различными правовыми традициями и группами интересов. Это наглядно демонстрируют процессы, происходившие при принятии и реализации конституций Южной Африки, Боливии, Эквадора, Колумбии и Кении – государств, где сама идея «конституционного текста» всё чаще уступает место «конституционной практике», подверженной постоянной интерпретации, политизации и актуализации на уровне повседневного права.

Ключевая черта южного конституционализма – это его опора на практики инклюзивности и множественности правовых систем, признание сосуществования формальных и неформальных институтов власти. Например, в государствах африканского континента, как указывает М.-Ф. Ндойе, существует перманентный диалог между государственным правом и обычаями, при котором решения судов традиционного права могут быть признаны и легитимированы в рамках конституционного порядка. [\[21\]](#) В латиноамериканских государствах аналогичную функцию выполняет признание коллективных прав коренных народов и механизмов их автономного самоуправления, в том числе права на территорию, языка, системы правосудия и культурной идентичности, что прямо зафиксировано, например, в Конституции Боливии 2009 года и Конституции Эквадора 2008 года. Данные положения, с одной стороны, формально утверждают новые стандарты участия и представительства, а с другой – становятся ареной правового конфликта между государственным и негосударственным, между унифицированным и культурно специфичным.

Таким образом, южный конституционализм формируется как альтернатива не только западной правовой догме, но и универсалистскому взгляду на саму природу конституционного порядка. По мнению исследователей, конституции государств Латинской Америки часто воплощают не модель «власти под законом», а модель «власти от народа» - с акцентом на перманентную мобилизацию, коллективное участие и прямую демократию, что делает южный конституционализм менее правовой по форме, но более политический по сути. [\[26\]](#) Эта тенденция может быть интерпретирована в духе Р. Хирша, указывающего на необходимость различия конституционализм как формы права и конституционализмы как процесс социального конфликта. [\[13, с. 471-507\]](#)

Вместе с тем, включение южного конституционализма в глобальные типологии конституционного развития сталкивается с методологическими трудностями. С одной

стороны, он демонстрирует устойчивые черты, позволяющие говорить о нем как о самостоятельной парадигме. С другой - его эмпирическое многообразие делает любые обобщения уязвимыми перед обвинениями в экзотизации или редукционизме. Это требует отказа от жёстких классификаций в пользу подходов, признающих гибкость, противоречивость и неоднородность нормативной ткани. В этой связи продуктивным представляется подход, предложенный С.Е Мэрри, которая описывает, как доминирующие понятия права подавляют локальные практики, и предлагает изучать «правовой жанр» конкретных сообществ в их уникальном контексте. [\[19\]](#)

Наконец, следует подчеркнуть, что южный конституционализм функционирует не в вакууме, а в тесной связи с глобальными процессами и трансформацией международного правопорядка. Его развитие обусловлено не только внутренними потребностями государств Юга, но и реакцией на внешние давления: от международных финансовых институтов до правозащитных дискурсов и транснациональных движений. Как указывают ряд авторов, глобальные вызовы - климатический кризис, миграция, цифровое неравенство - требуют новых форм правовой мобилизации, которые южные общества вынуждены разрабатывать быстрее, чем государства центра, именно в силу их уязвимости и институционального напряжения. [\[12; 24, с. 40-44\]](#) Таким образом, южный конституционализм становится не только зеркалом постколониальной борьбы, но и своеобразным предвестником возможных траекторий развития публичной власти в XXI веке.

Исторические и структурные предпосылки южных моделей публичной власти

Формирование южных моделей публичной власти невозможно понять вне историко-структурного контекста, в котором они возникали. Основополагающим элементом, определяющим траекторию конституционного развития государств Латинской Америки и Африки, является колониальное наследие, оставившее глубокие институциональные, правовые и символические следы, которые продолжают определять характер взаимодействия общества и государства. Насильственное насаждение правовых систем метрополий, как правило, игнорировавших сложную социальную и культурную ткань колонизированных обществ, привело к институциональной дисфункции: правовые нормы функционировали поверхностно, в условиях недоверия, репрессий и отсутствия корневой легитимности. Как справедливо подчеркивает А. Ан-Наим, колониализм оставил после себя «правовой порядок без социального укоренения», в котором государство воспринимается как внешний, враждебный субъект, навязывающий чуждые формы власти. [\[20\]](#)

Это проявляется, прежде всего, в феномене правового дуализма, ставшего характерной чертой постколониальных государств. Официальные системы права, основанные на западных принципах, существуют с неформальными, традиционными нормами, глубоко укоренёнными в повседневных практиках. Такая ситуация порождает не просто юридическую неопределенность, но и институциональную фрагментацию: государственные структуры формально исполняют предписания конституций, но в реальности вынуждены вступать в сложные отношения с местными авторитетами, вождями, старейшинами, общинными собраниями. В африканских государствах, как отмечает Г. Берихун, это приводит к возникновению параллельных правовых режимов, между которыми отсутствует полноценная нормативная связь. [\[4, с. 228-249\]](#) Схожие процессы наблюдаются и в государствах Андского региона, где коренное население сохраняет автономные формы самоуправления, зачастую вступающие в противоречие с конституционными принципами унитарного государства.

Одним из наиболее устойчивых последствий такого исторического контекста становится воспроизведение символического насилия в сфере публичной власти. Государство, наследующее административный аппарат колониальной эпохи, продолжает действовать с позиции иерархической, внешней по отношению к гражданам силы. Как отмечает П. Бурдье, символическое насилие — это не просто репрессия, а механизм навязывания легитимности теми, кто обладает властью, при помощи культурных и правовых кодов, не признаваемых значительной частью общества. [\[6\]](#) В этом смысле формальные конституции в южных государствах нередко выступали в роли инструментов презентации внешне благородных идеалов, которые, однако, не имели ни социального, ни институционального подтверждения. Такая ситуация получила в науке название «конституций без конституционализма» - термин, введённый Г. О’Доннелом для обозначения систем, в которых текст конституции существует, но не порождает реально действующих институтов и механизмов контроля. [\[22, с. 55-69\]](#)

Южные общества в этом контексте оказались заложниками правовой мимикрии, при которой декларируемые принципы демократии, прав человека, разделения властей и правового государства оставались фасадными. Принципиально важным отличием от северных государств здесь становится не отсутствие нормативных форм, а их отчуждённость от социальной среды, неспособность включить в систему управления широкие массы населения, особенно - этнические меньшинства и маргинализированные группы. Например, в государствах, таких как Нигерия, Ангола, Колумбия, Венесуэла, «гражданская конституция» существует с «этнической повседневностью», где право понимается не через абстрактные категории, а через принадлежность к общине, религии, территории или касте.

В ответ на этот структурный кризис и историческую несостоительность формального конституционализма в южных государствах предпринимаются попытки так называемой «реинституционализации» публичной власти. Речь идет о разработке и принятии новых конституций, которые призваны преодолеть дистанцию между государственным аппаратом и обществом, а также инкорпорировать элементы правового и культурного плюрализма. Одними из наиболее ярких примеров таких трансформаций стали Конституция Южно-Африканской Республики 1996 года, Конституция Боливии 2009 года и Конституция Кении 2010 года. Все они представляют собой результат широкого общественного консенсуса, часто достигнутого в ходе глубокой политической мобилизации, участия гражданских движений, этнических общин и религиозных групп, что делает их качественно отличными от конституций авторитарного или импортированного типа.

Конституция ЮАР, например, отличается принципиальной новизной не только благодаря признанию широкого спектра прав, включая социальные, культурные и экологические, но и благодаря самой процедуре её принятия - через двухэтапное Конституционное собрание и институциональный контроль со стороны Конституционного суда, что обеспечило её легитимность даже в условиях политической фрагментации. Боливийская модель, в свою очередь, стала первой в мире конституцией, закрепившей принцип «многонационального государства», признающего равную значимость разных правовых систем — обычного, общинного и государственного права. Кенийская конституция, разработанная после масштабного политического кризиса 2007–2008 годов, учредила новые механизмы децентрализации и защиты прав меньшинств, а также усилила роль гражданского общества и независимых органов контроля.

Однако эти реформы также сталкиваются с целым рядом вызовов, в том числе - с

ограниченной институциональной ёмкостью, сохраняющимся неравенством и сложной задачей синтеза различных правовых логик в рамках одной нормативной системы. Пример Боливии показывает, что даже самые амбициозные попытки трансформации публичной власти могут натолкнуться на сопротивление как со стороны элит, так и со стороны традиционных структур, не всегда готовых делиться властью с ранее исключёнными группами. В Кении проблема имплементации новой конституции сталкивается с реальностью коррумпированных бюрократий, местных кланов и неравномерного распределения ресурсов, что тормозит реализацию закреплённых прав и институтов.

Таким образом, исторические и структурные предпосылки южных моделей публичной власти создают уникальные условия, в которых формальные правовые изменения вынуждены сочетаться с более глубокими социальными трансформациями. Это порождает своеобразную форму правового развития, в которой конституция - не статичный текст, а динамическая площадка, на которой разыгрываются конфликты идентичностей, классов, поколений и правовых традиций. И именно в этом постоянном напряжении между прошлым и настоящим, между заимствованным и подлинным, между формой и содержанием возникает южный конституционализм как живая и противоречивая форма публичной власти.

Латинская Америка: конституционализм гражданского участия и социального государства

Латинская Америка в последние десятилетия становится регионом с интенсивной конституционной динамикой, где классические нормы публичной власти переписываются в соответствии с требованиями новых акторов, формирующих политическое поле - индейских движений, организаций трудящихся, женских ассоциаций, экологических коалиций и других форм низовой демократии. Особенно ярко эти процессы проявились в государствах, вовлечённых в так называемый боливарианский поворот, сформировавший уникальную модель, сочетающую элементы социального государства, гражданского участия и символического противостояния неолиберальному порядку. [\[16\]](#) В эту модель, условно именуемую боливарианской, входят конституционные реформы Венесуэлы (1999), Боливии (2009) и Эквадора (2008), где осуществляется радикальное переосмысление источников легитимности власти, роли народа в политическом процессе и функций самой конституции как инструмента социальной трансформации, а не просто закрепления институционального устройства.

Одной из определяющих черт боливарианского конституционализма становится принцип плебисцитарного народовластия, реализуемого не только в рамках периодических выборов, но и через институционализацию механизмов прямой демократии. В данных государствах особое значение приобретают инструменты гражданского участия, включая референдумы, отзываемые мандаты, народные законодательные инициативы, обязательные публичные обсуждения законопроектов и планы развития территорий с участием населения. Эти механизмы формализованы в конституционных текстах, например, в ст. 62 Конституции Венесуэлы, прямо указывающей на то, что «участие народа в формировании публичной администрации и осуществлении контроля за ее деятельностью является необходимым средством контроля и гарантией его прав и свобод». Аналогичным образом и в Конституции Эквадора закреплено право граждан инициировать законодательные проекты и участвовать в формировании народной законодательной повестки. Эти институты, хоть и порой критикуемые за декоративность и манипулятивность, тем не менее демонстрируют направленность южноамериканских

моделей на снижение дистанции между властью и гражданами, а также на переформатирование представления о народном суверенитете — не как абстрактном принципе, а как реально функционирующем механизме мобилизации и контроля.

Существенной особенностью конституционной архитектуры боливарианских государств становится органичное включение в нормативное поле элементов этнокультурной идентичности. Здесь происходит синтез права и космологии, особенно заметный в положениях о «*buen vivir*» (досл. - «достойная жизнь») и *Pachamama* (Мать-Земля), которые становятся не только культурными символами, но и юридическими категориями.

[\[7\]](#) В частности, Конституция Боливии в преамбуле и ряде статей закрепляет концепцию «жизни в гармонии» [\[7\]](#), трактуемую как цель общественного и государственного развития, при этом признаёт Мать-Землю субъектом права. Это не просто декларация, но правовой поворот к экологическому гуманизму, который фактически выносит за скобки антропоцентристическую логику западной правовой традиции. Как подчёркивает Б.С. Сантос, боливарианские конституции фактически выступают текстами сопротивления, которые структурируют государство не вокруг человека как индивида, а вокруг коллективных субъектов и природы как онтологического партнёра общества. [\[3\]](#)

Не менее значимым направлением в южноамериканском конституционализме выступает акцент на социальные права как ядро государственного проекта. В отличие от западных систем, где такие права часто рассматриваются как программные или зависимые от ресурсов, в новых латиноамериканских конституциях они приобретают прямое действие, обеспеченное институциональными гарантиями. Например, в Конституции Эквадора образовательные, медицинские, трудовые и экологические права не только формально закреплены, но и подлежат судебной защите в порядке «ампаро»- особого механизма, позволяющего гражданину обжаловать бездействие органов публичной власти. [\[10\]](#) Это приводит к усилению роли конституционных судов, превращающихся в арбитров социального конфликта, в инстанции не только правовой, но и моральной легитимности. Конституционный трибунал Боливии неоднократно принимал решения, которые интерпретировали нормы конституции с позиции коллективных интересов коренных народов, в том числе в конфликтах с крупными промышленными проектами.

Отдельного внимания заслуживает феномен переконституционализации, проявляющийся в частой смене, обновлении или переформатировании конституций в ответ на социальные, экономические и политические изменения. Это явление в западной науке нередко трактуется как признак институциональной нестабильности, однако в контексте Латинской Америки оно может интерпретироваться как форма адаптивного конституционализма, связанного с высокой степенью политической чувствительности и гражданской мобилизации. Так, за последние три десятилетия практически все государства региона провели масштабные конституционные реформы, нередко с участием учредительных собраний и широкой общественной поддержки. При этом смена текста не всегда означает отказ от предыдущих принципов — напротив, она часто направлена на усиление их действенности или корректировку с учётом новых запросов общества. Конституция Боливии 2009 года, пришедшая на смену конституции 1967 года с многочисленными поправками, стала кульминацией длительного процесса переговоров, социальных протестов и этнической консолидации, в результате которого были признаны 36 этнических групп как равноправные субъекты федеративной государственности.

Особое место в институциональной структуре боливарианской модели занимают механизмы двойной легитимности, создающие напряжение между формальными органами власти и харизматическим лидерством. Эта проблема особенно ярко

проявилась в Венесуэле во времена Уго Чавеса, чья популярность и опора на прямое волеизъявление народа де-факто нивелировали противовесы и сдержки, предусмотренные в классической теории разделения властей. Конституция Венесуэлы 1999 года, хотя и сохраняет формальные элементы президентской республики, на практике позволяет главе государства активизировать народные инициативы, вносить поправки, инициировать референдумы, что в условиях харизматического лидерства превращает исполнительную власть в наиболее влиятельную политическую силу. Аналогичную ситуацию можно было наблюдать и в Боливии при правлении Эво Моралеса, чей образ как первого президента-индейца стал символом исторической справедливости, но одновременно вызвал критику за стремление к политической монополии и подчинению судов.

Таким образом, латиноамериканский опыт формирует особую конфигурацию конституционализма, в которой социальные, культурные и правовые принципы переплетены с мобилизационным стилем политики, высокой степенью народного участия и инкорпорацией коллективных идентичностей в государственное строительство. Эти черты делают латиноамериканские конституции не просто юридическими актами, но прогосударствами политической символики и социальной борьбы, в которых право выступает как инструмент не стабилизации, а трансформации реальности.

Африка: трансформация публичной власти между правом, традицией и гибридностью

Африканский контекст конституционного развития представляет собой особенно сложную и многослойную систему, в которой публичная власть формируется и функционирует на пересечении формальных конституционных норм, постколониального правового наследия и глубоко укоренённых традиционных механизмов самоорганизации. Эта гибридность политico-правовых структур не является времененным отклонением от «европейской нормы», как это нередко предполагалось в рамках универсалистских моделей конституционного права, но составляет саму суть африканского конституционализма, обнажающего несовпадение между нормативной теорией и правовой действительностью. Уже в середине XX века африканские исследователи, такие как Чинвейзу [9] и В. Родней, [25] обращали внимание на то, что попытка прямого импорта моделей западной публичной власти оборачивается институциональной деструкцией, поскольку игнорирует социальные основания легитимности и нормы, регулирующие повседневную политическую практику.

Одним из ключевых факторов, определяющих специфику африканского конституционализма, является повсеместное сосуществование формального правопорядка и неформальных институтов, таких как вождества, этнические советы старейшин, клиентелистские сети и обычай, регулирующие социальные отношения внутри общин. Эти параллельные структуры не только сохраняются, но зачастую интегрируются в общегосударственные системы управления — либо фактически, либо юридически. Например, в Южно-Африканской Республике Конституция 1996 года (ст. 211-212) признаёт легитимность обычного права, при условии его соответствия Конституции и принципам прав человека, а также предоставляет традиционным лидерам консультативную роль в законодательной сфере. В Намибии аналогичные положения содержатся в ст. 66 Конституции, закрепляющей возможность применения «customary law» как части правовой системы. В Гане закон «о чифстве» (Chieftaincy Act 2008) [9] и положения Конституции 1992 года (ст. 270-277) предоставляют вождям официально признанный статус, включая участие в Совете национальных вождей, обладающем

политико-правовым влиянием.

Эта институциональная дуальность, казалось бы, противоречит базовым представлениям о единстве публичной власти и централизованной юрисдикции, однако в африканских условиях она приобретает позитивный смысл, выступая способом адаптации государственности к социокультурной гетерогенности. Смешение юридических норм здесь не есть правовая хаотизация, но результат исторически обусловленной необходимости учитывать множество этнических, языковых, религиозных и территориальных идентичностей. Более того, именно признание и инкорпорация неформальных институтов позволяет снижать институциональное напряжение, укреплять локальную легитимность власти и обеспечивать постконфликтную стабилизацию. Это особенно заметно в контексте государств, прошедших через длительные гражданские войны и этнополитические кризисы. В таких государствах, как Руанда, Южный Судан, Либерия и Сьерра-Леоне, были созданы комиссии правды и примирения, сыгравшие важную роль в восстановлении общественного доверия и реконфигурации публичного порядка. Эти комиссии, как правило, сочетают элементы уголовного правосудия, ресторативного правосудия и публичного покаяния, предоставляя альтернативу как классической репрессивной юстиции, так и безусловной амнистии.

Эфиопия и Кения в последние годы демонстрируют интересные примеры переосмысления государственного суверенитета через призму территориальной и этнокультурной децентрализации. Конституция Эфиопии 1995 года закрепляет уникальное право «народов, наций и национальностей» на самоопределение вплоть до отделения (ст. 39), что в определённом смысле бросает вызов традиционному пониманию суверенитета как моноэтнического и унитарного. Эта норма, хоть и критикуемая за подрыв территориальной целостности, служит основой новой федеративной модели, ориентированной не на административное удобство, а на культурную идентичность как источник государственной легитимности. Кения, в свою очередь, после принятия Конституции 2010 года осуществила полномасштабную децентрализацию, учредив 47 округов с собственными законодательными собраниями и исполнительными органами, что позволило не только перераспределить ресурсы, но и активизировать политическую жизнь на местах, минимизируя конфликтный потенциал централизованной власти.

На фоне этих преобразований становится особенно заметна проблема президентского неотступничества - феномена, при котором институт президентской власти выходит за пределы конституционных сроков и полномочий. Несмотря на демократические декларации, в ряде государств Африки сохраняется практика «конституционного захвата», когда правящие элиты переписывают основной закон, снимая ограничения по количеству сроков (Бурунди, Уганда, Камерун, Чад). Такая тенденция формирует своего рода «персонализированный конституционализм», при котором юридические нормы адаптируются под амбиции конкретного лидера, а конституционная стабильность приносится в жертву политической монополии. При этом сама риторика таких изменений часто апеллирует к концепциям устойчивости, стабильности и национального единства, что делает проблему особенно чувствительной: формально правовые процедуры соблюдаются, но подменяется их дух.

На этом фоне особый интерес представляет то, как африканские конституции отвечают на вызовы, связанные с коррупцией и социальным неравенством. В новейших конституционных текстах и поправках, таких как Конституция Нигерии (1999, с последующими изменениями), Уганды (2005), Южного Судана (2011), фиксируются расширенные антикоррупционные мандаты для специализированных органов – омбудсменов, комиссий по этике, антикоррупционных бюро. Их деятельность

подкрепляется прямыми нормами, закрепляющими прозрачность, подотчетность и возможность гражданского контроля, включая обязательность деклараций о доходах, публикацию контрактов, процедуры общественных слушаний и т.п. В ряде случаев, как отмечают исследователи (R. Mbaku, A. Matial и др.), [18, с. 427-456; 17, с. 40-51] именно эти институты становятся основой для формирования новой культуры правового доверия и административной этики в условиях слабой традиции публичной ответственности.

Также важным достижением становится постепенная институционализация гендерного и этнического представительства. В новейших конституциях всё чаще закрепляются квоты для женщин в органах власти, а также признаётся коллективная правосубъектность традиционных сообществ. В частности, закрепляются права на землю, на язык, на систему образования, на автономное самоуправление и судебную защиту. Эти положения призваны не только компенсировать исторические формы угнетения, но и структурировать новую форму представительства, при которой право становится не только механизмом индивидуального самовыражения, но и инструментом коллективной идентичности. Здесь особенно заметно сближение с латиноамериканской моделью, но в африканском контексте оно приобретает иной смысл - не столько как конституционная идеология, сколько как необходимость выживания в условиях множественных конфликтов, ресурсного давления и социальной уязвимости.

В совокупности все эти черты позволяют говорить о формировании африканского типа конституционализма, в котором ключевыми понятиями становятся не столько классические категории «разделения властей» или «верховенства права» в их североатлантической трактовке, сколько гибкость, согласование, адаптивность и многоуровневая легитимность. Именно на этих основаниях в африканских государствах рождаются институциональные формы публичной власти, способные учитывать историческую травму, признавать культурную множественность и стремиться к правовому синтезу без отказа от постколониальной субъектности.

Южный конституционализм как лаборатория трансформации публичной власти

Южный конституционализм в своей совокупности всё отчётливее предстает не как временное или переходное состояние правовых систем глобального Юга, а как самостоятельная лаборатория, в которойрабатываются, испытываются и закрепляются новые форматы публичной власти. Его отличительной чертой становится стремление к переопределению самих оснований власти — не как силы, делегированной в результате выборов, а как непрерывного диалога между населением и институтами. Здесь народ уже не только символический источник суверенитета, но и активный субъект постоянного участия, причём участие понимается не как эпизодическая процедура (например, голосование на выборах), а как органический элемент повседневного функционирования государственной машины. Таким образом, источники власти обретают множественность: наряду с выборами, политическими партиями и парламентами, легитимация может исходить от общин, местных ассамблей, традиционных советов и даже от коллективных обрядов и ритуалов, признанных юридически значимыми в рамках национального права.

Эта логика непосредственного, повседневного суверенитета приводит к тому, что южные конституции характеризуются не столько стремлением к стабильности в западном смысле — как прочность и неизменность основного закона, — сколько к гибкости и высокой чувствительности к социальным трансформациям. Конституционный текст здесь перестаёт быть сакральным каноном и начинает выполнять функцию адаптивного инструмента, открытого к изменению при возникновении новых форм политической субъективности

или социальных требований. Подобная текучесть не означает правовой произвольности, но указывает на иной взгляд на конституцию как на живой документ, встроенный в структуру времени и памяти. В Боливии, Эквадоре, Кении и Эфиопии именно такие подходы легли в основу новой конституционной риторики: конституция не фиксирует завершённый порядок, а открывает прогосударство для борьбы, представления, признания и самореализации различных социальных сил.

При этом южный конституционализм предлагает расширенную трактовку самой идеи прав и свобод. Здесь наблюдается отход от индивидуалистской парадигмы в сторону признания коллективных прав - этнических, языковых, культурных, религиозных общин, а также территориальных сообществ, связей с землёй и природной средой. Эти права перестают быть производными от классического набора гражданских и политических прав и обретают собственную онтологию, укоренённую в доколониальных традициях, космологиях и концепциях социальной справедливости. Принцип «*Buen vivir*», зафиксированный в Конституции Эквадора, и юридическая правосубъектность Матери-Земли в Боливии - яркие примеры этого философского и правового поворота. Аналогичные процессы происходят и в Африке, где в ряде государств (например, Уганда, Южная Африка) закрепляются права сельских сообществ на коллективное владение ресурсами, управление экосистемами и защиту культурных обрядов, что формирует уникальную экологическую и социокультурную модель публичной власти, построенную на принципах уважения, преемственности и ответственности перед будущими поколениями.

Однако при всей своей новизне и трансформативном потенциале южный конституционализм сохраняет внутренние противоречия, которые не могут быть угосударствлены только юридическими средствами. Прежде всего, это напряжённость между формальными структурами публичной власти и неформальными механизмами управления. С одной стороны, именно благодаря признанию обычаем, традиционных советов, родовых правовых формул и локальных способов разрешения споров осуществляется инклюзия ранее исключённых групп в конституционный порядок. С другой стороны, такая децентрализация авторитета порождает множественность правовых режимов, усложняет взаимодействие между уровнями управления и может вести к правовой фрагментации, особенно в условиях слабо развитых институтов и отсутствия четких процедур координации. Пример Ганы, где местные вожди обладают значительными полномочиями в земельных вопросах, но при этом не подчиняются напрямую парламентскому контролю, демонстрирует, как баланс между традицией и правом становится вопросом не только юридической техники, но и политической воли.

Следующее противоречие возникает между демократией участия, активно продвигаемой в южных конституциях, и необходимостью институциональной устойчивости. Расширение прямого участия граждан в публичной жизни — через механизмы референдумов, отзывов, местных инициатив, народных собраний — приводит к большей подотчётности власти и актуализации проблематики легитимности. Однако одновременно возрастает риск нестабильности, популистских мобилизаций и размывания границ компетенций между ветвями власти. При этом само понимание стабильности оказывается предметом переоценки: если в североатлантическом дискурсе стабильность ассоциируется с неизменностью форм, то в южном контексте она часто определяется через способность к трансформации без разрушения социального тела. Это понимание особенно важно в условиях государств, переживших насилиственные конфликты, где сохранение статус-кво может означать лишь продолжение структурного неравенства и исключения.

Третье фундаментальное противоречие вытекает из взаимоотношений южных моделей с

глобальной архитектурой права и международными институтами. Южный конституционализм, будучи по сути критикой и переосмыслением универсалистского подхода, вступает в потенциальный конфликт с международными стандартами, основанными на западной правовой теории. Вопрос о приоритете прав человека в их либеральной интерпретации над коллективными правами, о допустимости релятивизации принципа разделения властей, о легитимности неформальных институтов в рамках государственности — всё это становится предметом острой дискуссии. Южные государства вынуждены балансировать между соблюдением международных обязательств (например, в рамках Африканской хартии прав человека и народов [\[1\]](#) или Межамериканской системы прав человека) и внутренней необходимостью выработки собственных правовых парадигм, отвечающих культурным, историческим и социальным реалиям. В ряде случаев (например, дела о защите коллективных земельных прав в Колумбии или решения Конституционного суда ЮАР по вопросам обычаев) национальные судебные органы сознательно отступают от «глобального стандарта», предлагая альтернативные модели правовой аргументации, основанные на принципах справедливости, солидарности и уважения к различиям.

Таким образом, южный конституционализм как лаборатория трансформации публичной власти формирует не просто новый региональный стиль права, но ставит под сомнение саму универсальность тех оснований, на которых строился современный конституционализм в эпоху Просвещения. Здесь не идёт речь о полном отказе от правового рационализма или демократических институтов, но происходит их переосмысление через призму исторического опыта колонизации, борьбы за идентичность, социальной мобилизации и этики ответственности. Это конституционализм не стабильности, а движения; не единства, а множественности; не централизации, а диалога. Именно в этом многообразии проявляется его исследовательская ценность и практическое значение в условиях кризиса глобального порядка и необходимости переосмысления основ публичной власти в XXI веке.

Значение южного конституционализма для трансформации глобальной доктрины публичной власти

Современное развитие южного конституционализма всё отчётливее высвечивает не только его региональную специфику, но и его концептуальную значимость для переосмысления базовых положений глобальной теории публичной власти. Южные модели, формирующиеся в условиях исторически унаследованной асимметрии, структурного неравенства, постколониального травматизма и культурной множественности, выдвигают на первый план альтернативные траектории демократизации и правовой модернизации, не совпадающие с классическими сценариями развития государственности, предполагаемыми либеральной правовой доктриникой. Они демонстрируют, что конституционная эволюция может разворачиваться не по оси «либерализация–правовое государство–разделение властей», а в иных логиках – логиках участия, признания, включения и социальной справедливости, где право является не только инструментом ограничения, но и средством признания множественности.

В этом контексте становится очевидным, что универсалистская доктрина конституционного порядка – в том числе представление о том, что существуют универсальные принципы публичной власти, одинаково применимые вне зависимости от контекста, – утрачивает свою объяснительную силу. Южный опыт демонстрирует, что стабильность институтов может достигаться не через жёсткое закрепление норм, а через

их способность к трансформации, что легитимность власти может опираться не только на формальные процедуры, но и на глубинные символические и культурные основания, что демократия - это не только система представительских органов, но и повседневная практика, вплетённая в ткань сообществ. Эти наблюдения ставят под вопрос саму основу транспланационной модели права, столь популярной в XX веке, согласно которой западные формы публичной власти могут быть механически перенесены в иные социальные реальности без существенной адаптации. Как подчёркивал Б.З. Таманаха, юридические системы (и право) формируются под влиянием локальной истории и культуры, и не могут быть просто перенесены из одного контекста в другой без глубокого изменения. [\[28, с. 375-411\]](#)

Именно южный опыт, накапливаемый в последние десятилетия, становится в настоящее время ключевым источником для развития теории адаптивного конституционализма, акцентирующей внимание не на схожести институтов, а на способности правовых систем воспринимать и перерабатывать социальные вызовы, действовать в условиях изменчивости и неопределенности. [\[23, с. 67-85\]](#) Адаптивный конституционализм исходит из предпосылки, что конституции в глобальном Юге функционируют в условиях не только слабых формальных институтов, но и высокой степени политической, экономической и культурной турбулентности. Это требует от основного закона не столько закрепления идеального порядка, сколько постоянной готовности к переопределению, открытости к включению новых акторов и нормативных источников. В этом смысле южные конституции можно рассматривать как своего рода институциональные «тексты с продолжением», в которых заложен генетический код изменений, а не статичности. Так, Конституция Южной Африки (1996), регулярно интерпретируемая Конституционным судом с учётом текущих общественных потребностей, уже стала моделью динамичного конституционного текста.

Кроме того, южный опыт создаёт основание для критической рефлексии над пределами правовой трансплантации — концепции, согласно которой институты публичной власти, сформировавшиеся в одних условиях, могут быть эффективно внедрены в других без потери функциональности. На практике, как показал анализ политico-правовой эволюции таких государств, как Руанда, Афганистан, Судан, Гаити, трансплантация западных конституционных моделей без должного учета локального контекста оборачивается не правовой модернизацией, а институциональной дисфункцией, ростом недоверия к власти и усилением неформальных структур. Как подчёркивает Джеймс Ф. Скотт в своей концепции «видимость государственности», чем жёстче навязывается формальная структура, тем активнее сопротивление со стороны локальных форм организации. [\[27\]](#) При этом южный конституционализм, напротив, демонстрирует потенциал «восходящей» легитимации - от общины к государству, от практики к норме, от реальности к тексту, а не наоборот.

Именно это свойство делает южный опыт ценным для моделирования институтов публичной власти в условиях постлиберального мира, где классическая модель представительной демократии всё чаще демонстрирует признаки институционального истощения, а правовые системы сталкиваются с новыми типами конфликтов, выходящими за рамки прежней нормативной рамки. Южный конституционализм предлагает здесь не готовые рецепты, а набор рабочих гипотез: как возможно соединение индивидуальных и коллективных прав, какова роль символического представительства в обеспечении легитимности, как можно институционализировать нестабильность не как угрозу, а как ресурс обновления. Особенно интересным в этом плане является включение природы в пространство публичного права - идея, которую активно разрабатывают

южноамериканские и африканские конституции, где экосистемы наделяются правосубъектностью, а охрана окружающей среды становится не отраслью, а онтологическим принципом государственного строительства.

Таким образом, южный конституционализм формирует альтернативный канон, в котором публичная власть переосмысливается не как монопольное управление, а как система распределённой ответственности, не как бюрократическая вертикаль, а как сеть взаимных обязательств и признания, не как стабильность любой ценой, а как готовность к изменению ради сохранения достоинства и идентичности. Это направление развития, набирающее силу в государствах Латинской Америки, Африки, Юго-Восточной Азии, предлагает не «экзотику» или отклонение, а, возможно, предварительное очертание новых норм, к которым будет обращаться правовая мысль в условиях конца либерального консенсуса. Уже сегодня ряд исследователей утверждают необходимость перехода к полицентрическому пониманию конституционализма, в котором не существует одного центра правды, а есть множественные формы правовой рациональности, укоренённой в различных цивилизационных контекстах. Именно в этом смысле южный конституционализм перестаёт быть региональным феноменом и становится полем напряжения, в котором рождаются новые теоретические рамки для понимания власти, права и справедливости в XXI веке.

Заключение

Южный конституционализм на сегодняшний день уже невозможно рассматривать в логике отклонения от условной «нормы» — он всё более отчётливо утверждается как полноценная и легитимная форма трансформации публичной власти, вырастающая из особенностей исторического развития, социального уклада и культурных матриц государств Глобального Юга. Парадокс заключается в том, что то, что ранее квалифицировалось как институциональная нестабильность или правовая аномалия, постепенно начинает осознаваться как автономная форма нормативной организации власти, отличная по своим основаниям и логике от западноевропейских канонов, но при этом не менее значимая по своей внутренней рациональности и эффективная в решении тех задач, которые перед ней стоят. Это особенно важно в контексте критического пересмотра универсалистского подхода к праву, который долгое время предполагал существование некой оптимальной модели публичной власти, от которой любое отклонение трактовалось как дефицит развития, а не как альтернативная траектория.

Именно опыт Латинской Америки и Африки в этом отношении демонстрирует, что устойчивость государственного устройства может зиждаться не на жесткости правовых структур и формальной строгости процедур, а на гибкости, способности учитывать социокультурную динамику, а также на признании и инкорпорации локальных форм знания, управления и взаимодействия. Юг показывает, что государственность может быть не вертикальной и унитарной, а сетевой и плюралистической, что суверенитет — это не всегда централизованная власть, а зачастую распределённая способность к самоуправлению, согласованию интересов и принятию решений на разных уровнях — от общины до нации. Особенno ярко это проявляется в конституциях Боливии, Южной Африки, Кении, Эквадора, Эфиопии — текстах, в которых понятия природы, памяти, культуры, коллективной идентичности получают конституционное измерение, формируя новую топографию публичного права, в которой институты перестают быть отвлечёнными юридическими конструкциями и становятся продолжением социальных и символических структур.

На фоне глобальных процессов эрозии либерального конституционного порядка,

падения доверия к классическим институтам представительной демократии, роста политической поляризации и юридической инструментализации власти, южный опыт приобретает не только компаративное значение, но и перспективу нормативной актуальности для всего мирового научного сообщества. Он предлагает не рецепты, но альтернативы - иной подход к субъектности, иное понимание участия, иную роль судов, иные источники легитимности, иное соотношение формального и неформального в правовом поле. То, что в течение десятилетий воспринималось как временное отклонение от западного образца - перманентная конституционная реформа, децентрализация, усиление роли неформальных институтов, конституционализация прав природы и культурных общностей - сегодня становится предметом заинтересованного внимания, в том числе и со стороны государств, ранее полагавших себя центрами правового универсализма.

В этом смысле южный конституционализм оказывается не вызовом универсальности как таковой, а вызовом неразличающему универсализму, отказывающемуся признавать легитимность иных путей становления публичной власти. Вместо претензии на глобальную истинность юг предлагает модель полицентризма, при которой различные формы правовой рациональности могут существовать, взаимодействовать и даже взаимно обогащаться. Именно поэтому для теории конституционного права южный опыт - это не просто экзотическая материя для компаративного анализа, а подлинный источник теоретического обновления, возможность выйти за пределы устоявшихся понятий, категорий и аксиом, взглянуть на правовые институты с точки зрения их функции, а не формы, их связи с обществом, а не их формального изолированного бытия.

В настоящее время, когда глобальная политico-правовая система переживает глубокий трансформационный сдвиг - проявляющийся в кризисе транснациональных структур, росте авторитарных трендов, кризисе репрезентативных моделей демократии и массовом недоверии к государственным институтам, - необходимость в поиске новых интеллектуальных ориентиров становится очевидной. Южный конституционализм, возникавший как ответ на вызовы колониального наследия, социального неравенства, институционального разрыва и культурной фрагментации, уже содержит в себе эти ориентиры. Он показывает, что конституционное право может быть не только системой ограничений, но и прогосударством признания, что право может быть не только выражением власти, но и формой сопротивления, не только формой порядка, но и условием справедливости, не только выражением рациональности, но и способом сохранения идентичности.

Именно в этом заключается его научная и практическая значимость. Южный конституционализм — это не альтернатива как отклонение, но альтернатива как возможный путь. Это правовая реальность, в которой публичная власть учится быть не только законной, но и легитимной в глазах многообразных сообществ, составляющих её тело. Это процесс, в котором вместо навязываемых моделей рождаются формы, укоренённые в культурном, историческом и социальном контексте. Это политico-правовая философия, в которой горизонт власти опирается не на центр, а на множественность точек сборки. И в этом множестве, в этом напряжении между стабильностью и переменой, в этом поиске равновесия между универсализмом и локальностью — и заключается главный вклад южного конституционализма в обновление современной доктрины публичного права.

Библиография

1. Африканская хартия прав человека и народов. [Электронный ресурс]. Режим доступа:

- https://storage-ddh-prod.s3.fr-par.sdw.cloud/filer_public/e7/7b/e77bf49b-d776-41d4-93b2-480d0cbc6810/charter_africaine_des_droits_de_l_homme_et_des_peuples_ru.pdf (дата обращения: 15.07.2025).
2. de Sousa Santos B. *Epistemologies of the South: Justice Against Epistemicide*. Paradigm Publishers, 2014. 426 с.
 3. de Sousa Santos B. *The End of the Cognitive Empire: The Coming of Age of Epistemologies of the South*. Duke University Press, 2018. 392 с.
 4. Berihun G. Decoding legal pluralism in Africa. *The Journal of Legal Pluralism and Unofficial Law*. 2017. № 49. С. 228-249.
 5. Boaventura de Sousa Santos, Sara Araújo, Orlando Aragón Andrade (Eds.). *Decolonizing Constitutionalism: Beyond False or Impossible Promises*. Routledge, 2024. 354 с.
 6. Bourdieu P. *Réflexive Sociologie*. Paris: Éditions de Minuit, 1994.
 7. Buen Vivir. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.hyperkulturell.de/buen-vivir-15> (дата обращения: 15.07.2025).
 8. Chieftaincy Act. [Электронный ресурс]. Режим доступа: [https://ir.parliament.gh/bitstream/handle/123456789/1771/CHIEFTAINCY%20ACT,%20202008%20\(ACT%20759\).pdf](https://ir.parliament.gh/bitstream/handle/123456789/1771/CHIEFTAINCY%20ACT,%20202008%20(ACT%20759).pdf) (дата обращения: 15.07.2025).
 9. Chinweizu. *The West and the Rest of Us: White Predators, Black Slavers, and the African Elite*. New York: Random House, 1975. 520 с.
 10. Gloria Orrego Hoyos. *The Amparo Context in Latin American Jurisdiction: An Approach to an Empowering Action*. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.nyulawglobal.org/globalex/amparo1.html> (дата обращения: 15.07.2025).
 11. Гончаров В.В., Петренко Е.Г., Борисова А.А., Толмачёва Л.В., Дмитриева И.А. Система социального доверия (социального рейтинга) в КНР: проблемы и перспективы внедрения в Российской Федерации // Административное и муниципальное право. 2023. № 3. С. 78-91. DOI: 10.7256/2454-0595.2023.3.39983 EDN: TLCPOC URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=39983
 12. Heeks R. From Digital Divide to Digital Justice in the Global South: Conceptualising Adverse Digital Incorporation (August 18, 2021). *Digital Development Working Paper* № 90.
 13. Hirsch R. Constitutionalism, judicial review, and progressive change: A rejoinder to McClain and Fleming-Reply. *Texas Law Review*. 2005. № 84. С. 471-507.
 14. Klug H. Towards a Sociology of Constitutional Transformation: understanding South Africa's post-apartheid order, in *Sociological Constitutionalism* (ed. Paul Blokker & Chris Thornhill). Cambridge University Press, 2017. С. 67-94.
 15. Klug H. *Constituting Democracy: Law, Globalism and South Africa's Political Reconstruction*. Cambridge University Press, 2000.
 16. Lebowitz M. A. *Construir el socialismo bolivariano del siglo XXI: La economía política de la transición*. Buenos Aires: CLACSO, 2012.
 17. Matial A., Extension Kiu Publication. Exploring the Efficiency of the Inspectorate of Government in Anti-Corruption Regime in Uganda. 2024. № 11. С. 40-51.
 18. Mbaku J. M. Corruption Cleanups in Africa Lessons from Public Choice Theory. *Journal of Asian and African Studies*. 2008. № 43. С. 427-456.
 19. Merry S. E. *The Seductions of Quantification: Measuring Human Rights, Gender Violence, and Sex Trafficking*. University of Chicago Press, 2016. 249 с.
 20. Na'im A. A. *African Constitutionalism and the Role of Islam*. Philadelphia: University of Pennsylvania Press, 2006. 216 с.
 21. N'Diaye M.-F. *La réforme du droit de la famille: Une comparaison Sénégal-Maroc*. Montréal: Presses de l'Université de Montréal, 2016. 302 с.
 22. O'Donnell G. Delegative Democracy. *Journal of Democracy*. 1994. № 5(1). С. 55-69.
 23. Поярков С.Ю. Адаптивный конституционализм: концептуальные основания и

- институциональные механизмы в условиях политico-правовой турбулентности // Административное и муниципальное право. 2025. № 3. С. 67-85. DOI: 10.7256/2454-0595.2025.3.74695 EDN: OYYMQE URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=74695
24. Rodríguez-Garavito César. Human Rights: The Global South's Route to Climate Litigation. *AJIL Unbound*. 2020. № 114. С. 40-44. DOI: 10.1017/aju.2020.4. EDN: TCSERZ.
25. Rodney W. How Europe Underdeveloped Africa. London: Bogle-L'Ouverture, 1972. 320 с.
26. Sáenz de Viteri Vázquez, Andrea & Bjørnskov Christian. Populism and Constitutional Reform in Latin America and the Caribbean. *SSRN Electronic Journal*. 2018. DOI: 10.2139/ssrn.3290019.
27. Scott J. C. Seeing Like a State: How Certain Schemes to Improve. 1998. 568 с.
28. Tamanaha B. Z. Understanding Legal Pluralism: Past to Present, Local to Global. *Sydney Law Review*. 2007. № 29. С. 375-411.
29. Tully J. Strange Multiplicity: Constitutionalism in an Age of Diversity. Cambridge University Press, 1995.
30. Uprimny R. The Recent Transformation of Constitutional Law in Latin America: Trends and Challenges. *Texas Law Review*. 2011. № 89. С. 1587-1610.
31. Von Bogdandy A., Urueña R. International Transformative Constitutionalism in Latin America. *American Journal of International Law*. 2020. № 114(3). С. 403-442. DOI: 10.1017/ajil.2020.27. EDN: ZTIZQP.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Предметом исследования в представленной на рецензирование статье является, как это следует из ее наименования, «южный» конституционализм. Автор анализирует соответствующие особенности трансформации публичной власти в государствах Латинской Америки и Африки. Заявленные границы исследования соблюдены ученым. Методология исследования раскрыта: "Однако важно подчеркнуть, что речь идет не о прямом сравнении правовых систем, а о попытке вычленить их типологические черты, институциональные инновации и культурно-правовые смыслы, которые они транслируют. В этом контексте крайне продуктивным оказывается применение методологии постколониального анализа, позволяющего выявить глубокие структурные асимметрии, сохраняющиеся в постимперском правовом прогосударствстве, а также сравнительно-правового подхода, способного установить параметры различия и схожести между региональными моделями публичной власти".

Актуальность избранной автором темы исследования несомненна и обосновывается им следующим образом: "Безусловно, тема «южного» конституционализма является одним из наиболее интригующих направлений современной сравнительной конституционной теории. В условиях стремительных глобальных трансформаций и постоянных политico-правовых вызовов, государства Латинской Америки и Африки становятся не просто пассивными потребителями западных моделей публичной власти, но активными конструкторами собственных конституционных решений, отражающих исторические травмы, культурные коды, политическую волатильность и борьбу за автономию. В отличие от традиционной парадигмы, в которой именно государства Севера задают тон нормативному дискурсу, «глобальный Юг» сегодня все чаще функционирует как лаборатория альтернативных моделей управления и легитимации власти, где трансформация публичной власти носит как адаптивный, так и революционный характер.

Примечательно, что именно в государствах Южной Америки и Африки можно наблюдать уникальное сочетание формального заимствования институтов «классического» конституционализма и их глубокого переосмыслиения на основе локальных контекстов. Конституции Боливии (2009), Эквадора (2008), ЮАР (1996) и Кении (2010) демонстрируют яркие примеры нормативного синтеза – правовых систем, где современный язык прав человека и институтов демократического участия существует с постколониальными, этнокультурными и даже космологическими структурами власти. Как отмечает ряд исследователей, южный конституционализм не следует понимать как упрощённую версию северного – напротив, он предлагает альтернативную логику легитимации, основанную на эпистемологическом плюрализме и радикальной включенности ранее маргинализированных групп населения. [5] Актуальность изучения «южного» конституционализма обусловлена не только его эмпирическим разнообразием, но и тем, что он бросает вызов универсализирующему подходу к конституционному дизайну. Концепции подлинного народовластия, участия, правового плюрализма и экологического гуманизма, отражённые, например, в боливийской идее «*buen vivir*», не укладываются в привычные схемы либеральной государственности. При этом важно отметить, что многие из этих новаций не являются результатом академического конструктивизма, но возникают снизу – как выражение требований социальных движений, этнических сообществ и феминистских инициатив. Это свидетельствует о трансформации самой природы публичной власти: от репрезентативной и институционально замкнутой – к более открытой, сетевой и перформативной". Дополнительно ученому необходимо перечислить фамилии ведущих специалистов, занимавшихся исследованием поднимаемых в статье проблем, а также раскрыть степень их изученности.

Научная новизна работы проявляется в ряде заключений автора: "Таким образом, исторические и структурные предпосылки южных моделей публичной власти создают уникальные условия, в которых формальные правовые изменения вынуждены сочетаться с более глубокими социальными трансформациями. Это порождает своеобразную форму правового развития, в которой конституция – не статичный текст, а динамическая площадка, на которой разыгрываются конфликты идентичностей, классов, поколений и правовых традиций. И именно в этом постоянном напряжении между прошлым и настоящим, между заимствованным и подлинным, между формой и содержанием возникает южный конституционализм как живая и противоречивая форма публичной власти"; "Таким образом, латиноамериканский опыт формирует особую конфигурацию конституционализма, в которой социальные, культурные и правовые принципы переплетены с мобилизационным стилем политики, высокой степенью народного участия и инкорпорацией коллективных идентичностей в государственное строительство. Эти черты делают латиноамериканские конституции не просто юридическими актами, но прогосударствами политической символики и социальной борьбы, в которых право выступает как инструмент не стабилизации, а трансформации реальности"; "В совокупности все эти черты позволяют говорить о формировании африканского типа конституционализма, в котором ключевыми понятиями становятся не столько классические категории «разделения властей» или «верховенства права» в их североатлантической трактовке, сколько гибкость, согласование, адаптивность и многоуровневая легитимность. Именно на этих основаниях в африканских государствах рождаются институциональные формы публичной власти, способные учитывать историческую травму, признавать культурную множественность и стремиться к правовому синтезу без отказа от постколониальной субъектности"; "Таким образом, южный конституционализм как лаборатория трансформации публичной власти формирует не просто новый региональный стиль права, но ставит под сомнение саму универсальность

тех оснований, на которых строился современный конституционализм в эпоху Просвещения. Здесь не идёт речь о полном отказе от правового рационализма или демократических институтов, но происходит их переосмысление через призму исторического опыта колонизации, борьбы за идентичность, социальной мобилизации и этики ответственности. Это конституционализм не стабильности, а движения; не единства, а множественности; не централизации, а диалога. Именно в этом многообразии проявляется его исследовательская ценность и практическое значение в условиях кризиса глобального порядка и необходимости переосмысления основ публичной власти в XXI веке" и др. Таким образом, статья вносит определенный вклад в развитие отечественной правовой науки и, безусловно, заслуживает внимания потенциальных читателей.

Научный стиль исследования выдержан автором в полной мере.

Структура работы логична. Во вводной части статьи ученый обосновывает актуальность избранной им темы исследования, раскрывает его цель и задачи. В основной части работы автор анализирует особенности трансформации публичной власти в государствах Латинской Америки и Африки сквозь призму «южного» конституционализма. В заключительной части работы содержатся выводы по результатам проведенного исследования.

Содержание статьи соответствует ее наименованию, но не лишено недостатков формального характера.

Так, автор пишет: "В условиях стремительных глобальных трансформаций и постоянных политico-правовых вызовов, государства Латинской Америки и Африки становятся не просто пассивными потребителями западных моделей публичной власти, но активными конструкторами собственных конституционных решений, отражающих исторические травмы, культурные коды, политическую волатильность и борьбу за автономию" - первая запятая является лишней.

Ученый отмечает: "Как отмечает ряд исследователей, южный конституционализм не следует понимать как упрощённую версию северного -напротив, он предлагает альтернативную логику легитимации, основанную на эпистемологическом плюрализме и радикальной включенности ранее маргинализированных групп населения [5]" - пропущен пробел после тире.

Автор указывает: " Эти черты делают латиноамериканские конституции не просто юридическими актами, но прогосударствами политической символики и социальной борьбы, в которых право выступает как инструмент не стабилизации, а трансформации реальности" - "прогосударствами" (опечатка).

Таким образом, статья нуждается в дополнительном вычитывании - в ней встречаются опечатки и пунктуационные ошибки (приведенный в рецензии перечень опечаток и ошибок не является исчерпывающим!).

Библиография исследования представлена 31 источником (монографиями, научными статьями, международными документами, нормативным материалом), в том числе на английском и французском языках. С формальной и фактической точек зрения этого достаточно. Автору удалось раскрыть тему исследования с необходимой полнотой и глубиной.

Апелляция к оппонентам имеется, но носит общий характер в силу направленности исследования. Научная дискуссия ведется автором корректно. Положения работы обоснованы в должной степени и проиллюстрированы примерами.

Выводы по результатам проведенного исследования имеются ("Южный конституционализм на сегодняшний день уже невозможно рассматривать в логике отклонения от условной «нормы» — он всё более отчётливо утверждается как полноценная и легитимная форма трансформации публичной власти, вырастающая из

особенностей исторического развития, социального уклада и культурных матриц государств Глобального Юга. Парадокс заключается в том, что то, что ранее квалифицировалось как институциональная нестабильность или правовая аномалия, постепенно начинает осознаваться как автономная форма нормативной организации власти, отличная по своим основаниям и логике от западноевропейских канонов, но при этом не менее значимая по своей внутренней рациональности и эффективная в решении тех задач, которые перед ней стоят. Это особенно важно в контексте критического пересмотра универсалистского подхода к праву, который долгое время предполагал существование некой оптимальной модели публичной власти, от которой любое отклонение трактовалось как дефицит развития, а не как альтернативная траектория. Именно опыт Латинской Америки и Африки в этом отношении демонстрирует, что устойчивость государственного устройства может зиждаться не на жесткости правовых структур и формальной строгости процедур, а на гибкости, способности учитывать социокультурную динамику, а также на признании и инкорпорации локальных форм знания, управления и взаимодействия. Юг показывает, что государственность может быть не вертикальной и унитарной, а сетевой и плуралистической, что суверенитет - это не всегда централизованная власть, а зачастую распределённая способность к самоуправлению, согласованию интересов и принятию решений на разных уровнях - от общины до нации. Особенно ярко это проявляется в конституциях Боливии, Южной Африки, Кении, Эквадора, Эфиопии - текстах, в которых понятия природы, памяти, культуры, коллективной идентичности получают конституционное измерение, формируя новую топографию публичного права, в которой институты перестают быть отвлечёнными юридическими конструкциями и становятся продолжением социальных и символических структур. На фоне глобальных процессов эрозии либерального конституционного порядка, падения доверия к классическим институтам представительной демократии, роста политической поляризации и юридической инструментализации власти, южный опыт приобретает не только компаративное значение, но и перспективу нормативной актуальности для всего мирового научного сообщества. Он предлагает не рецепты, но альтернативы - иной подход к субъектности, иное понимание участия, иную роль судов, иные источники легитимности, иное соотношение формального и неформального в правовом поле. То, что в течение десятилетий воспринималось как временное отклонение от западного образца - перманентная конституционная реформа, децентрализация, усиление роли неформальных институтов, конституционализация прав природы и культурных общностей - сегодня становится предметом заинтересованного внимания, в том числе и со стороны государств, ранее полагавших себя центрами правового универсализма" и др.), обладают свойствами достоверности, обоснованности и, несомненно, заслуживают внимания научного сообщества.

Интерес читательской аудитории к представленной на рецензирование статье может быть проявлен прежде всего со стороны специалистов в сфере конституционного права при условии ее доработки: дополнительном обосновании актуальности темы исследования (в рамках сделанного замечания) и устранении нарушений в оформлении статьи.

Результаты процедуры повторного рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

РЕЦЕНЗИЯ

на статью на тему ««Южный» конституционализм: особенности трансформации

публичной власти в государствах Латинской Америки и Африки».

Предмет исследования.

Предложенная на рецензирование статья посвящена актуальным вопросам «южного» конституционализма, особенностям развития институтов публичной власти в государствах Латинской Америки и Африки. Автором рассматриваются вопросы южного конституционализма как отдельной научной категории, исторические и структурные предпосылки южных моделей публичной власти, конституционализм гражданского участия и социального государства в Латинской Америке, трансформация публичной власти между правом, традицией и гибридностью в Африке, общих подходов к южному конституционализму, значения южного конституционализма для трансформации глобальной доктрины публичной власти, делаются конкретные выводы применительно к южному конституционализму. В качестве предмета исследования выступили, прежде всего, нормативно-правовые акты зарубежных государств, мнения ученых, эмпирическая база, в том числе данные из открытых источников.

Методология исследования.

Цель исследования прямо в статье заявлена: «анализ особенностей трансформации публичной власти в государствах Латинской Америки и Африки сквозь призму «южного» конституционализма». Исходя из поставленных цели и задач, автором выбрана методологическая основа исследования. В частности, как указано в самой статье, «крайне продуктивным оказывается применение методологии постколониального анализа, позволяющего выявить глубокие структурные асимметрии, сохраняющиеся в постимперском правовом прогосударстве, а также сравнительно-правового подхода, способного установить параметры различия и схожести между региональными моделями публичной власти».

В частности, автором используется совокупность общенаучных методов познания: анализ, синтез, аналогия, дедукция, индукция, другие. В частности, методы анализа и синтеза позволили обобщить и разделить выводы различных научных подходов к предложенной тематике, а также сделать конкретные выводы из эмпирических данных, взятых из открытых источников.

Наибольшую роль сыграли специально-юридические методы. В частности, автором активно применялся формально-юридический метод, который позволил провести анализ и осуществить толкование норм действующего законодательства различных государств. Например, следующий вывод автора: «особое значение приобретают инструменты гражданского участия, включая референдумы,ываемые мандаты, народные законодательные инициативы, обязательные публичные обсуждения законопроектов и планы развития территорий с участием населения. Эти механизмы формализованы в конституционных текстах, например, в ст. 62 Конституции Венесуэлы, прямо указывающей на то, что «участие народа в формировании публичной администрации и осуществлении контроля за ее деятельностью является необходимым средством контроля и гарантией его прав и свобод». Аналогичным образом и в Конституции Эквадора закреплено право граждан инициировать законодательные проекты и участвовать в формировании народной законодательной повестки».

Важную роль в контексте поставленной автором цели исследования сыграл сравнительно-правовой метод исследования, который позволил сопоставить право и законодательство различных государств.

Таким образом, выбранная автором методология в полной мере адекватна цели исследования, позволяет изучить все аспекты темы в ее совокупности.

Актуальность.

Актуальность заявленной проблематики не вызывает сомнений. Имеется как

теоретический, так и практический аспекты значимости предложенной темы. С точки зрения теории тема «южного» конституционализма сложна и неоднозначна. Развитие конституционализма, изменение подходов к конституционному праву влияет на право различных государств. Сопоставление мирового опыта, анализ источников регулирования отдельных государств может быть перспективным в плане понимания конституционализма в целом. Сложно спорить с автором рецензируемой статьи в том, что «тема «южного» конституционализма является одним из наиболее интригующих направлений современной сравнительной конституционной теории. В условиях стремительных глобальных трансформаций и постоянных политico-правовых вызовов государства Латинской Америки и Африки становятся не просто пассивными потребителями западных моделей публичной власти, но активными конструкторами собственных конституционных решений, отражающих исторические травмы, культурные коды, политическую волатильность и борьбу за автономию».

Тем самым, научные изыскания в предложенной области стоит только поприветствовать. Научная новизна.

Научная новизна предложенной статьи не вызывает сомнений. Во-первых, она выражается в конкретных выводах автора. Среди них, например, такой вывод: «опыт Латинской Америки и Африки в этом отношении демонстрирует, что устойчивость государственного устройства может зиждаться не на жесткости правовых структур и формальной строгости процедур, а на гибкости, способности учитывать социокультурную динамику, а также на признании и инкорпорации локальных форм знания, управления и взаимодействия. Юг показывает, что государственность может быть не вертикальной и унитарной, а сетевой и плюралистической, что суверенитет - это не всегда централизованная власть, а зачастую распределённая способность к самоуправлению, согласованию интересов и принятию решений на разных уровнях - от общины до нации».

Указанный и иные теоретические выводы могут быть использованы в дальнейших научных исследованиях.

Во-вторых, автором предложены идеи по обобщению законодательства различных государств в связи с южным конституционализмом, что может быть полезно специалистам в данной сфере.

Таким образом, материалы статьи могут иметь определенных интерес для научного сообщества с точки зрения развития вклада в развитие науки.

Стиль, структура, содержание.

Тематика статьи соответствует специализации журнала «Юридические исследования», так как она посвящена правовым проблемам, связанным с южным конституционализмом в современных социально-экономических условиях.

Содержание статьи в полной мере соответствует названию, так как автор рассмотрел заявленные проблемы, в целом достиг поставленной цели работы, так как в завершении сделаны авторские оригинальные выводы по поводу сущности южного конституционализма на современном этапе.

Качество представления исследования и его результатов следует признать в полной мере положительным. Из текста статьи прямо следуют предмет, задачи, методология и основные результаты исследования.

Оформление работы в целом соответствует требованиям, предъявляемым к подобного рода работам. Существенных нарушений данных требований не обнаружено.

Библиография.

Следует высоко оценить качество использованной литературы. Автором активно использована литература, представленная авторами из России и из-за рубежа (Гончаров В.В., Петренко Е.Г., Борисова А.А., Толмачёва Л.В., Дмитриева И.А., Bourdieu

P., Heeks R., Klug H., Lebowitz M.A. и другие). Многие из цитируемых ученых являются признанными учеными в области вопросов конституционализма.

Таким образом, труды приведенных авторов соответствуют теме исследования, обладают признаком достаточности, способствуют раскрытию различных аспектов темы.

Апелляция к оппонентам.

Автор провел серьезный анализ текущего состояния исследуемой проблемы. Все цитаты ученых сопровождаются авторскими комментариями. То есть автор показывает разные точки зрения на проблему и пытается аргументировать более правильную по его мнению.

Выводы, интерес читательской аудитории.

Выводы в полной мере являются логичными, так как они получены с использованием общепризнанной методологии. Статья может быть интересна читательской аудитории в плане наличия в ней систематизированных позиций автора применительно к вопросам понимания южного конституционализма в современных социально-экономических условиях.

На основании изложенного, суммируя все положительные и отрицательные стороны статьи

«Рекомендую опубликовать»